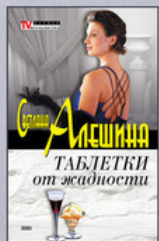

Светлана Алешина

С камнем за пазухой

Часть сборника
Таблетки от жадности (сборник)

Светлана Алешина
С камнем за пазухой
Серия «TV журналистка»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6190848

Алешина С. В. Таблетки от жадности. С камнем за пазухой: Повести.: ЭКСМО; Москва; 2002

ISBN 5-699-01700-3

Аннотация

«...— Что случилось? — спросила я, глядя в окаменевшее лицо Павлика и уже ни на секунду не сомневаясь в том, что что-то действительно произошло.

— Случилось... — эхом повторил оператор, отводя невидящий взор в сторону.

— Убили девушку, одну из тех, которые помогали представлять новые блюда, — раздался напряженный голос Галины Сергеевны. Она стояла совсем рядом, держась правой рукою за сердце.

— Нет! — кажется, я вскрикнула. — Нет, неужели...

Сразу же вспомнились все страхи, преследующие меня в течение нынешнего дня...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Светлана Алешина

С камнем за пазухой

Глава 1

Утром нас ждал сюрприз. Его преподнесла Ее Величество Погода, которая выдала нам рекордное количество осадков в виде снега... в апреле. Ничего не скажешь, хороша весна в этом году: после оттепели наступают настоящие морозы. Не видать нам летом ни вишни, ни абрикосов.

Чертыхаясь от мысли, что придется опоздать на работу, я доставала зимнюю одежду, которую уже оптимистично считала ненужной в этом сезоне. Так... Дубленку вижу, а где ботинки? Наверняка Вовка успел куда-нибудь засунуть, и теперь мне улыбается перспектива ползать на коленках по полу, внимательно осматривая пространства под кроватью и шкафами. Что за день!

Ботинки наконец были найдены, но тут выяснилось новое, отнюдь не радостное обстоятельство: на одном из них предательски шатался каблук. Вот черт, ну как же я раньше этого не замечала?! Теперь придется идти в осенней обуви, а на заледеневших улицах сохранять равновесие будет непросто.

Муж уже успел убежать в свой институт, где трудился в должности и. о. доцента. Тоже наверняка опоздает, транс-

порт у нас к снежным завалам в швейцарском стиле непривычен и реагирует на них весьма обидчиво. Трамваи встают длинной вереницей, маршрутки ломаются в самых неподходящих местах, и приходится пробираться по толстому снежному настилу на своих двоих. А в моих невысоких ботиночках на рыбьем меху сделать это вдвойне непросто... Особенно остро я это осознала, оказавшись на улице и утонув в снегу чуть ли не по колено. Ноги мгновенно заledenели, и, сразу же забыв о данном себе обещании быть экономной, я уже ловила машину. Черт с ними, с деньгами, в конце концов, они не стоят того, чтобы зарабатывать себе пневмонию.

Зеленая «девятка» приятно обняла меня своим теплом, идущим от печки. На душе потихоньку становилось легче, несмотря на то, что снег на брюках растаял, и они теперь были мокрыми. У природы нет плохой погоды... пожалуй, сейчас бы я с этим поспорила. Что хорошего, например, в том, когда вошедшую в свои законные права весну вдруг разрывает снегопад, которого зимой люди ждали с нетерпением?

Водитель в считанные минуты доставил меня до родного телецентра и денег взял гораздо меньше, чем я предполагала. Ну вот, стало совсем хорошо. Все-таки здорово, когда жизнь преподносит тебе небольшие подарки, например, в виде душевных людей.

Кстати, о последних. Как-то на досуге, который лично у меня случается нечасто, я философствовала и пришла к одному очень интересному наблюдению. Мне везет на хоро-

ших людей. Если не быть совсем уж строгой, то можно сказать, что только такие меня и окружают. Взять хотя бы мужа Вовку. Вот уж с ним повезло так повезло. Пусть некоторые особо продвинутые знакомые, погрязшие в разрешении своих материальных проблем, время от времени ехидно намекают, что денег мой Володечка зарабатывать не умеет. Правы они, спорить не буду: действительно не умеет. Но если бы для меня это имело принципиальное значение, то я бы не пошла за него замуж, так как и его достоинства, и его недостатки были для меня очевидны с самого начала. Поэтому я успешно и без особых усилий игнорирую колкие замечания на этот счет.

Но самые значительные душевные люди, окружавшие меня, объединены общей профессией, и, конечно, это мои коллеги. Я – тележурналистка, ведущая популярной губернской передачи «Женское счастье». В прямом эфире я встречаюсь в студии с известными женщинами, которым есть что сказать народу. На съемках присутствуют зрители, которые задают вопросы, иногда достаточно колкие и непредсказуемые. В общем, аналогов у этого проекта множество, но, несмотря ни на что, мы прочно держимся в рейтинге популярности и занимаем далеко не последнее место.

Мы – это наша съемочная группа, те люди, с которыми я общаюсь почти ежедневно. И теперь, открывая дверь нашей комнаты, я уже приблизительно знаю, кого увижу в следующую минуту, а кто прибежит с получасовым опозданием.

Так и есть. Лера, наш помощник режиссера, присела на чужом столе и строит глазки Павлику, нашему оператору. Ох уж эти двое!.. Хотя, если бы их не было, нам бы наверняка приходилось время от времени бороться со скукой. Наблюдение за ними способно заменить даже новомодное развлечение наших коллег из соседнего отдела маркетинга, установивших в своем кабинете бильярд и играющих в него в обеденный перерыв. Нам такие буржуазные развлечения не нужны, мы предпочитаем отдыхать по старинке в обед, с легкой газеткой в руках или, что бывает еще чаще, умчаться куда-нибудь по делам.

– Салют, ребята! Поздравляю вас с новой зимой.

Помреж и оператор соорудили кислую мину, а Павлик недовольно буркнул:

– Ни слова о...

– Да ладно вам, – продолжала подбадривать я их, вешая дубленку в шкаф. – Зима – это ведь не так уж и плохо. На лыжах в лес махнем, красота! А то законной зимой сделать это было невозможно.

Продолжая рассуждать таким образом, я время от времени бросала взгляды то на Павлика, то на Леру. Все мы уже привыкли к их вялотекущему роману и если раньше пытались давать хоть какие-то советы то одному, то другому, руководствуясь своими познаниями в жизни, то сейчас уже не видели в этом смысла. Очевидно, наших голубков вполне устраивали ни к чему не обязывающие отношения, которые

существовали между ними уже довольно продолжительное время. Их забавные подтрунивания друг над другом вносили в наше существование здоровые улыбки, а порой и взрывы гомерического хохота, когда шутки были особенно удачными.

– Опять от тебя перегаром несет, – возмущенно выговаривала Лера, в буквальном смысле нависая над Павликом. – Это, значит, ты так вчера культурно отдыхал?!

– Ну да. – Павлик был невозмутим и со здорово помятым лицом «после вчерашнего». – Я вчера корешу помогал костюм выбирать, а потом мы с ним покупку обмывали.

– Свадебный костюм-то? – поинтересовалась я, включая чайник. На лице Леры тут же отразилась явная заинтересованность.

– Нет, не свадебный, – поморщился Павлик, мельком глянув на подружку. – На работу ходить. Серега менеджером в солидную фирму устроился, а там требование: на службу обязательно являться цивильно одетым. Иначе – кранты, выгонят. В джинсах и тому подобном ходить не разрешается. В общем, фейс-контроль.

– Здорово! – восхитилась Лера и оглядела прикид Павлика с явным скепсисом. – Вот и наш Евгений Петрович такое правило бы завел!

– Ага! – неожиданно энергично мотнул головой наш оператор. – Его бы после этого жена из дому выгнала!

– Почему это? – одновременно спросили мы с Лерой, при-

чем у меня появилось намерение прекратить разговор, пока он окончательно не перешел на личности.

– А потому что его бы содержать стало невыгодно! – успел-таки проговорить Павлик и увернулся от скомканной бумажки, которую я в него запустила.

– Ну хватит, ребята, посмеялись уже, – предприняла я попытку настроить коллег на рабочую волну. – Давайте-ка быстро выпьем кофе и – за дело. Еще не хватало, чтобы такие разговоры до шефа дошли.

В эту минуту открылась дверь, и на пороге эффектно возникла Галина Сергеевна. Моя непосредственная начальница, причем слово «непосредственная» по отношению к ней приобретало двойственное значение. Никто из коллег не знал точного возраста нашего режиссера, на этот счет существовали только неясные предположения, которые сама Галина Сергеевна ни поддерживала, ни опровергала. Особенно настойчивым она с достоинством отвечала, что ей около сорока. Как бы там ни было, но выглядела Галина Сергеевна, безусловно, замечательно. Она вообще была замечательной во всех отношениях, единственным ее недостатком были постоянные опоздания, за которые все ее великодушно прощали.

– Я не опоздала? – этот извечный вопрос Галина Сергеевна задавала чуть ли не каждое утро, и он чудесно ее характеризовал. – А у нас с транспортом сегодня такой кошмар творится! – продолжала начальница изливать на нас потоки

своей неумемной энергии. — Была уверена, что приду первой.

Подобное было бы равносильно чуду, и, ручаюсь, что все присутствующие подумали о том же самом. Лера прыснула в кулак, Павлик скептически ухмыльнулся, а я лишь украдкой показала кулак этим двоим и с самым серьезным выражением лица спросила ничего не замечающую Галину Сергеевну:

— Ну как, приступаем сегодня к подготовке нашей знаменитой передачи?

Проект, который мы вынашивали довольно долгое время, действительно уже успел стать нашумевшим как в самом телецентре, так и в кругах работающих там сотрудников. Мой Вовка, например, ежедневно, правильнее сказать, ежевечерне вынужден был выслушивать очередные подробности планируемой передачи, которыми я не уставала делиться с ним. Я вообще редко чувствовала усталость, когда загоралась какой-нибудь идеей, а сейчас как раз наступил такой момент. Дело в том, что некоторое время назад наш город поразила очередная стрела тяги к зрелищам, в результате чего местные власти вкупе с плеядой спонсоров стали готовиться к десятилетнему юбилею одного из наиболее замечательных рестораторов Тарасова, обладающего неброским, но многозначительным названием — «Классика». В этом названии отразилось далеко не все, что составляло столь заманчивый коктейль, смачно вкушаемый богатыми и знаменитыми, однако возможно ли по описаниям воспринять сущность какого-то замечательного творения? В том-то и дело, что нет.

Предстоящее действо должно было развернуть активность высоких чинов нашего города на полную катушку. Дело в том, что чествуемый ресторан представлял собой поистине замечательное творение, можно сказать, был местной достопримечательностью. Начать следует с того, что полем деятельности этого предприятия был не только набор стандартных услуг, таких, как ужины, банкеты, презентации и прочие элементы деятельности заведений подобного профиля. В своем роде «Классика» представлял собой органичное сочетание ресторанных традиций с возможностями получения клиентами психологической помощи. Для обеспечения последнего фактора в ресторане работал штатный психолог. Кроме того, «Классика» периодически выпускал внушительное количество страниц журнала с одноименным названием.

Но, конечно, основным достоинством ресторана считалась кристальная репутация. Да что там говорить, в наше время, когда во многие питейные заведения, масштабные и не очень, люди просто иногда опасаются заходить, так как там могут существовать какие-то негласные правила, «Классика» зарекомендовал себя с гораздо более выгодной стороны. Здесь никогда не случалось разного рода разборок, благодаря тщательно отобранной охране начинающиеся скандалы гасились в самые первые минуты. И это, безусловно, было несомненным достижением.

– Подумаешь, ресторан! Чего особенного, таких сейчас море пооткрывалось, – натянутым тоном произнес мой муж,

когда по долгу службы я в течение нескольких вечеров знакомилась с информацией относительно «Классики», перечитывая в основном «родные» журналы организации. Дело в том, что по случаю юбилея ресторана мы решили снять передачу с непосредственным участием его владелицы.

– Ну не скажи, Володя, он выделяется среди остальных заведений, как эксклюзивный наряд от кутюр от банального ширпотреба.

В течение последующих десяти минут я старательно пыталась втолковать моему простодушному супругу, чем одежда от кутюрье отличается от той, которая продается на базарах. Муж категорически отказывался понимать, что люди готовы без разговоров отвалить энное количество денег только за славное имя модельера. Ему казался диким тот факт, что какое-то платье, созданное маститым кутюрье, может стоить целое состояние. Нет, как человек образованный и живущий в современном мире, он, конечно, слышал о Джованни Версаче и Кристиане Диоре, но это все воспринималось им как-то... абстрактно, что ли. В общем, не предполагал мой любимый Вовка, что нечто подобное может существовать совсем рядом, даже не в Москве, а в родном провинциальном Тарасове.

Кстати, не таком уж и провинциальном, раз в нем находились такие во всех отношениях замечательные и интригующие объекты, как хотя бы все тот же пресловутый ресторан «Классика». Воистину, стать хотя бы однажды посетительни-

цей этого заведения было тайным предметом мечтаний многих моих знакомых, да и я сама, если честно, тоже не отказалась бы от возможности провести незабываемый вечер под его сводами. Подобным образом музыкант мечтает хоть раз в жизни поиграть на знаменитой скрипке Страдивари. Но в том-то все и дело, что воплотить в жизнь эти мечты было достаточно сложно.

Выражаясь меркантильным языком, «Классика» стоила дорого. Очень дорого, если не сказать больше. В основном клиентами ресторана становились люди известные и богатые, и, как правило, своему выбору они не изменяли и впоследствии. В общем, клиентура была большей частью постоянной, не считая, конечно, приезжих, которые с тем же удовольствием посещали заведение.

Правительницей заведения являлась госпожа Меранцева. Я имела достаточно полное представление о том, как выглядела эта женщина, благодаря местному телевидению и прессе. На мой взгляд, более удачно найти свой имидж было просто невозможно, потому что Меранцева выглядела именно такой, какой в традиционном представлении должна была быть владелица ресторана. Чуть полноватая смешливая женщина с открытой улыбкой, она зазывно улыбалась с рекламных щитов, предлагая жителям родного города посетить свое заведение. Явственно можно было представить ее в качестве хлебосольной хозяйшки, радушно предлагающей гостям отведать фирменное блюдо собственного изготовле-

ния, хотя самостоятельно готовить Инге Леонидовне наверняка не приходилось последние несколько лет.

И вот, совсем недавно мне в голову пришла замечательная, если говорить без ложной скромности, идея. Я подумала о том, что героем нашей передачи «Женское счастье» обязательно должна стать Инга Меранцева. Подумала и о том, что это лучше всего устроить поскорее, чтобы успеть подготовить передачу до юбилея. В глубине профессионального сознания уже всплывали заманчивые картины телепроекта, транслируемого в свете предстоящего праздника, подготовкой которого занималась сама Меранцева. Нет, я вовсе не пыталась искусственно подогреть интерес к своей передаче, связав ее с неким зрелищным событием, просто, как и любой другой телевизионный деятель, пыталась найти более выгодные ракурсы для представления своего детища.

– А что, разве на сегодня у нас запланировано что-то конкретное? – с подозрением спросил Павлик, перестав блаженно потягиваться.

Лично меня в нашем операторе устраивало все, кроме одного качества, относительно которого – я уверена в этом – мои коллеги были со мной полностью солидарны. Этим качеством была исключительная лень, державшая Павлика в своих тесных объятиях и не желавшая отпускать захваченную добычу. Подозреваю, что союз Павлика с ленью был взаимовыгодным и приятным. Однако то, что в последнее время к лени прибавилась еще и забывчивость, мне не слишком

наверилось.

– Павлик, когда-нибудь я разозлюсь и побью тебя, – вполне серьезно пообещала я и заметила, как Лера с Галиной Сергеевной одобрительно переглянулись. – Представь себе, сегодня у нас действительно запланировано очень даже, как ты выражаешься, конкретное. Сегодня мы встречаемся с госпожой Меранцевой, чтобы обсудить подробности предстоящей передачи.

Раздался возглас, которым наш оператор выражал свое чрезвычайное удивление. Так и есть – он просто забыл. Хорошо еще, что пришел сегодня с утра, а то бы решил устроить себе выходной после вчерашнего и появился бы только к обеду.

Встреча с Ингой Леонидовной была запланирована на два часа, и за оставшееся время мне нужно было успеть сделать две очень важные вещи. Первая заключалась в том, чтобы привести Павлика в надлежащий вид и как-то ликвидировать ужасающий запах перегара, который распространяло это чудовище за версту. Немного подумав, я решила возложить эту святую обязанность на Леру и, сунув ей полтинник, попросила сбегать в ларек и купить минералки, мятной жвачки и «антиполицай». Не пристало, чтобы такие кадры появлялись перед приличными людьми, одним из которых, безусловно, являлась Меранцева. Представляю ее реакцию при виде эдакого красавца!

Что же касается второй необходимости, то она заключа-

лась в том, чтобы мне самой принять подобающий внешний вид. Честно говоря, я здорово волновалась при мысли о предстоящей встрече. Конечно, внешность Инги Меранцевой вызывала у меня симпатию, да и улыбка, которая не сходила с ее уст во время ее интервью, тоже располагала к себе. Но мне никогда не приходилось встречаться с ней в жизни. А вдруг окажется, что госпожа Меранцева на самом деле принадлежит к племени снобов или, что еще хуже, страдает манией величия? Ох, как же мне было беспокойно от таких мыслей!

– Павлик, сходи-ка вниз, купи мне пакетик кофе, – безапелляционно проговорила Галина Сергеевна, когда ей надоело смотреть на мои явные нравственные метания. Проницательности моей начальнице не занимать, очевидно, она уже была в курсе причины такого моего настроения.

Павлик с явной неохотой оторвал расслабленное тело от своего любимого кресла, кстати, законно принадлежащего мне, и медленной походкой вышел из кабинета. Как только за ним закрылась дверь, Галина Сергеевна тут же под села ко мне и настойчиво взяла за руку.

– Ириша! – строго проговорила она и в эту минуту была до невозможности похожа на директора школы. – Сейчас же расскажи мне, что случилось, и не смей отрываться недомолвками, я все равно от тебя не отстану.

«Была не была», – подумала я и, как на духу, выложила ей все свои тревоги.

– Сами подумайте, Галина Сергеевна, мне предстоит такая встреча, а я выгляжу как самое настоящее чучело! Макияж от снега испортился, о прическе уже и не говорю, а она ведь это все сразу же заметит.

– Ну, во-первых, она не косметолог и не модельер, так что с этой точки зрения она тебя вряд ли будет оценивать. А во-вторых, все легко поправимо. Обнови макияж, поправь прическу и отправляйся на встречу во всеоружии. Или все-таки есть другая причина твоей взволнованности?

– Есть, – была вынуждена согласиться я, и причина такая действительно существовала. Дело в том, что Меранцева пользовалась довольно широкой известностью чуть ли не в мировом масштабе. Когда я знакомилась с информацией о «Классике», то выяснила, что Инга заключала контракты со многими ведущими зарубежными организациями и частными лицами на поставку редких экзотических продуктов, которые невозможно добыть в России и из которых готовились эксклюзивные блюда. Оставалось только предположить, какой была конечная стоимость этих яств, предлагаемых в меню ресторана...

А примерно пять лет назад «Классика» стал русско-французским рестораном. Да, именно так, потому что Меранцева подписала контракт с владельцем винного завода, расположенного в одной из многочисленных французских провинций, на постоянное сотрудничество. С тех пор в ее ресторане среди алкогольных напитков не было такого, который был

бы получен из какой-либо иной страны.

Итак, по всем определениям, Меранцева была богатой. Как раз последнее определение и вызывало во мне некоторый страх. Вообще-то мне не свойственен снобизм, однако доселе героинями моих передач становились в основном люди более простые, чем владелица «Классики». Пока мы общались с ней только по телефону, да и то очень мало, а при таком контакте довольно трудно понять сущность собеседника. Поэтому сейчас мне было одновременно и страшно и интересно, как эта дама поведет себя, не будет ли чересчур высокомерна, и не придется ли мне чувствовать себя оскорбленной. Честно говоря, ужасно этого не люблю.

– Послушай, Ирина, – медленно, словно раздумывая, начала Галина Сергеевна, когда я высказала ей свои сумрачные страхи. – Насколько я осведомлена, госпожа Меранцева – женщина интеллигентная, истинная аристократка. Такая вряд ли позволит себе грубость. Да и вообще, с чего ты взяла, что твоя хваленая общительность и умение расположить собеседника на этот раз дадут сбой? Поверь, все будет хорошо, и вскоре ты будешь с улыбкой вспоминать свои страхи.

* * *

Знай я, насколько права окажется моя начальница, тогда, наверное, мне действительно стало бы спокойнее. Однако оставшееся до часа встречи время я провела как на игол-

ках, то и дело вскакивая и подходя к зеркалу, чтобы удостовериться в своем безупречном внешнем виде. И хотя с этим все было в порядке, перспектива невозможности объективно оценить себя со стороны мучила: все казалось, что костюм сидит чересчур мешковато, на колготках образовалась складка, макияж слишком бледен, а прическу опять не мешало бы поправить. Подобный упадок моего настроения стал очевиден не только для Галины Сергеевны, но и для остальных сотрудников.

– Ну как? – с торжеством в голосе спросила меня Лера, с явным подозрением покосившись на мою кислую физиономию. Рядом с ней стоял Павлик – плод неустанного творчества Валерии, который она хотела продемонстрировать перед нами. Оператор был умыт, мастерски уложенные волосы разделял прямой пробор; как мне показалось, на его лице было заметно даже некоторое подобие грима. Сейчас он здорово напоминал купеческого приказчика из девятнадцатого века или же личного секретаря помещика, которому по статусу положено выглядеть благообразно.

– Павлик, ты великолепен! – разом воскликнули мы с Галиной Сергеевной, старательно сдерживая позывы смеха. – Только почему это ты так хмур, скажи на милость?

– Да ну вас! – протянул наш оператор с мукой в голосе. – Я в таком виде никуда не пойду. Мало того что прическу дурацкую сделала, так еще и рожу намалевала! Да я, чтоб ты знала, в таком виде знаешь на кого похож?

– Между прочим, все известные артисты перед важными мероприятиями гримируются, а тебе с твоей опухшей физиономией сам бог велел! – вспыхнула Лера праведным гневом. – Ты только представь, перед кем тебе придется появиться, – перед самой Меранцевой! И что она о нас подумает после созерцания тебя такого?

– Ладно, ребята, хватит трепаться, нам пора! Так, на ком сегодня поедем?

Я немного хитрила, на самом деле уже вчера вечером мне было известно, что сегодня на встречу нас везет шофер Костя Шилов. Похоже, известно об этом было не только мне...

– На нем, на нем, – подленько протянула Лера, сразу же забыв о своем возмущении. – Уж Константин так счастлив был, что ему предстоит сопровождать вас в такой ответственный момент! Ведь, можно сказать, на новый уровень передача выходит, раз с такими людьми контактировать начинаем.

– Все, хватит, – остановила я потоки опасного красноречия помрежа. Лера никогда не упускала возможности подколоть меня на предмет обожания моей скромной персоны одним из наших водителей. Собственно, об этом знали многие, но в основном старались держать свои соображения по этому поводу при себе. – Поехали!

Шилов окинул меня сумрачным, как казалось поначалу, взглядом, но в нем проглядывало такое нескрываемое чувство восхищения, поэтому мне, как всегда, стало не по себе. Черт, с этим надо что-то делать, никуда не годится, что

он вот так, запросто, только взглянув, демонстрирует перед всеми свои чувства!

Мы загрузились в машину и поехали.

* * *

В отличие от других деятелей нового времени, Инга Меранцева не стала следовать сложившимся традициям и размещать свои владения в старых полуразвалившихся особняках времен Николая II. Поэтому несколько лет назад «Классика» с размахом расположился в только что выстроенном по специальному заказу местных властей здании, для чего госпоже Меранцевой пришлось немало постараться. Я помню статью в одной из тарасовских газет, где колкий, но неумный репортер пытался представить владелицу «Классики» в невыгодном свете, описав соответственным образом, как она охмуряла нашего губернатора для получения разрешения на строительство здания за счет спонсорских взносов. Как ни старался автор статьи очернить образ Меранцевой, однако за созданный опус он вряд ли дождался похвалы от руководства, потому что невольно придал характеру Инги Леонидовны черты трагического благородства.

— Удачи, — пожелал Костя всем нам, глядя при этом исключительно на меня одну. Мне иногда кажется, что он нарочно так делает.

Мы вошли в просторный холл, отражающий удачное со-

четание современного и классического стилей. Пол выложен мраморными плитами, на стенах – обивка подходящего светло-голубого тона, подвесные потолки искусно имитируют модернистскую лепнину. Вроде бы и просто, вовсе не вычурно, но тем не менее все смотрится очень органично. Мебели практически нет, только несколько красивых стульев у дальней стены, кстати, зеркальной. Наша команда четко возникла в его голубоватой глади, подчеркивающей общую тональность, и мы, словно сговорившись, разом совершили произвольный жест, поправляя прически, воротники и приводя себя в порядок. Зеркало не замедлило отразить наше волнение, выраженное в такой неоригинальной форме.

– Спокойнее, – с легкой улыбкой прошептала Галина Сергеевна, которая, пожалуй, единственная из нас четверых держалась не суетясь, с неизменным достоинством. – Нам вот сюда, – кивнула она на резную дубовую дверь, последнюю по коридору. Мы остановились, вздохнули словно по команде, собираясь с силами и придавая своим физиономиям подобающее выражение, а затем, постучав для проформы, толкнули дверь.

Комната, в которой оказалась наша съемочная группа, была на удивление большой. После довольно узкого пространства коридора это создавало эффект неожиданности, впрочем, как и сама атмосфера, царящая в этих неординарных апартаментах. Можно было не сомневаться, что вся обстановка была придумана одним человеком и приведена в ис-

полнение под его чутким руководством.

Здесь все свидетельствовало о необычайной тяге хозяйки кабинета к делу, которое целиком поглотило ее, стало главным в жизни.

Огромное окно во всю стену открывало живописную картину, подобную которой мне давно не приходилось видеть. Позади здания находился самый настоящий сад, и сейчас он казался великолепной декорацией к сказочному сюжету. Ветви деревьев склонились под снежной тяжестью, сплошной белый настил укрывал землю, оставляя видными лишь несколько голубоватых скамеек и красивое сооружение, стоящее в редком окружении деревьев. Это была беседка.

Стильные бра по обе стороны от стола Инги Меранцевой бросали зеленоватый отсвет на белые листы бумаги, разложенные на поверхности, и от этого казались слегка загадочными, словно они только что вышли из какой-то волшебной машины, создавшей их. Мягкие кресла и диван были уютными, но, несмотря на это, очень уместно смотрелись в интерьере всего офиса. Дорогое ковровое покрытие на полу в точности повторяло цветовой фон стен, штор и мебели, которой здесь было ровно столько, сколько необходимо. Между тем большая часть помещения оставалась свободной; наверное, время от времени здесь проводились планерки, на которых Меранцева распекала своих нерадивых сотрудников, хотя вряд ли такие имелись в ее коллективе.

Владелица «Классики» поднялась навстречу нам с ис-

кренней улыбкой, чем сразу же покорила съемочную группу наповал. Для меня теперь стал очевидным тот факт, что не одна я пасовала перед этой встречей: и Лера, и Павлик, и даже Галина Сергеевна были солидарны со мной в этом, хотя в отличие от меня старались не подавать виду.

Меранцева была... великолепной! Вспоминая свое первое впечатление от этой женщины, я впоследствии долго не могла сказать, что же конкретно покоряло в ней, что заставляло неотрывно смотреть в эти бездонные зеленые глаза, такие мудрые, такие пронизательные. Эта женщина явно не пыталась выглядеть моложе, хотя для своих сорока восьми она явно не добирала лет семь-восемь, но в ее облике было столько достоинства и изысканной простоты, что хотелось во что бы то ни стало расположить ее к себе, внушить симпатию, если только такое возможно. Доселе мне приходилось видеть Ингу Леонидовну только на экране телевизора или на фотографии в газете, но разве можно с помощью техники отобразить глубину и чистоту взгляда, целостность образа, органичное сочетание великолепной внешности и глубокого ума? Только в процессе общения я увидела и почувствовала все это. Хотя, почему это только я? Ручаюсь, все остальные ощутили то же самое.

– Добрый день, я ждала вас. Прошу прощения, что не смогла ответить на ваше предложение лично и была вынуждена поручить это секретарю. Самой смешно, но в последнее время навалилось так много работы по подготовке праздни-

ка, что не удастся даже нормально поесть. Вот уж верно говорят, сапожник без сапог!

Вот так незатейливо и убедительно она сразу сумела расположить нас к себе. Наверняка после такого вступления никому из нашей компании не пришло бы в голову назвать ее богатой гордячкой. Меранцева обладала приятным голосом, который, очевидно, мог обернуться и громоподобными окриком, – тональность была вполне подходящей для этого, – или переходить на ворчливые интонации. Инга Леонидовна производила впечатление душевного и открытого человека.

Гостеприимным жестом она предложила нам сесть в кресла, а сама прошла на свое рабочее место. Хотя рабочее ли? Мне показалось, что она считает и это здание в целом, и этот кабинет в частности – своим домом.

– Итак, с чего мы начнем? – спросила Инга Леонидовна, когда все мы, за исключением Павлика, расселись по своим местам. Наш оператор тем временем принялся живейшим образом, свойственным ему только в порыве творческого процесса, выбирать для своей камеры наиболее удачные ракурсы и пробовать наиболее выгодные положения.

– Было бы замечательно, если бы вы рассказали про то, как вообще родилась идея создать такое вот предприятие, – начала я.

– Предприятие... Да, наверное, для окружающих мой проект действительно выглядит предприятием, и наверняка

многие совершенно искренне полагают, что я расчетливо и меркантильно создавала его, приводя в соответствие с нынешним днем. На самом деле... ничего этого не было. Идея родилась сама, и я даже не обдумывала поначалу никакие технические тонкости, настолько четко представила себе, к чему буду стремиться в идеале. Только позже я столкнулась с реальными проблемами, но поскольку тогда уже заболела идеей, то начала бороться с трудностями со всем упорством, на которое была способна. В общем, могу сказать, что не я придумала создать «Классику», она сама нашла меня.

– Но ведь с чего-то же вы начинали?

– Вам наверняка известно, что ресторан существует уже десять лет, так что, как нетрудно догадаться, он создавался в непростое время. Однако могу сказать совершенно определенно, что тогда было проще громко заявить о себе, чем сейчас. В нынешнее время люди становятся избалованными и требовательными, создать нечто принципиально новое практически невозможно, поэтому все стараются отыскать достойные аналоги уже существующего. Тогда же можно было и блеснуть, имея в кармане несолидный начальный капитал и море энтузиазма. Но я, кажется, увлеклась. Для передачи вряд ли подойдут подобные откровения...

Она посмотрела на меня с чуть снисходительной улыбкой. Да, признаться, я допустила промах, попав под обаяние этой женщины и временно отключив свои профессиональные навыки. Мы рисковали сделать вместо популярной передачи

документальную, вряд ли шеф похвалит за это.

– Прошу прощения, вынуждена признаться, я просто заслушалась вас и перестала думать о работе. Вы правы, нам нужно донести информацию до зрителей в доступной форме. Обещаю исправиться прямо сейчас. Итак, Инга Леонидовна, давайте оттолкнемся от того самого исходного энтузиазма, о котором вы только что говорили. Его действительно было так много?

– О да! Поверите ли, поначалу мы совсем не уставали, хотя работали очень много. Хотелось довести начатое до какого-то завершенного этапа, так сказать, запустить сложный механизм.

– Вы говорите «мы», а кто же скрывается за этим множественным местоимением?

– Ну, прежде всего, конечно, мои друзья. Впоследствии некоторые из них отошли от этой работы, открыли собственное дело, которое было им ближе, но вначале они очень хорошо мне помогали, и я считаю, что сама вряд ли могла бы вывести «Классику» на сегодняшний уровень.

– Большая была у вас команда?

– Помимо меня, еще четыре человека. Две подруги, одна из которых сейчас моя совладелица, а другая занимает в «Классике» важную должность; и два друга, которые, к сожалению, теперь ушли, после того как сумели поставить меня на ноги.

– А почему вы решили открыть именно ресторан? Харак-

тер заведения был близок вам по духу или же будущая деятельность соответствовала вашему образованию?

– Мечта иметь свой ресторан сопровождала меня практически с ранней юности. Я не помню точно, во сколько лет загорелась этой идеей, но как только она родилась, то я стала жутко целеустремленной для своих лет. Пошла учиться на повара, потом прошла переквалификацию на кондитера, осваивала все новые и новые рецепты. А что касается образования, то у меня, помимо всего прочего, имеется диплом психолога, и я, как ни странно, считаю, что в какой-то степени работаю сейчас по специальности. Дело в том, что «Классика» ориентируется на индивидуальные потребности каждого клиента, мы не практикуем какой-то единый подход ко всем и к каждому. С каждым, кто приходит к нам, мы общаемся индивидуально, и так было заведено с самого начала.

– Я вижу, что психология составляет чуть ли не базис вашей деятельности. Насколько я знаю, у вас в штате есть специальный сотрудник, у которого клиенты могут получить необходимую психологическую помощь. Да вот и вы только что сказали, что стараетесь вникнуть в психологию каждого клиента. Как-то это сложно и не совсем вписывается в специфику индустрии развлечений: люди приходят в ресторан просто для того, чтобы хорошо провести свободное время.

– Ну-ну, не преуменьшайте, пожалуйста, значимость этой проблемы, – добродушно рассмеялась Инга Леонидовна. – Психология многолика, и любой бизнес основывается на ее

знании, иначе он просто обречен на провал.

– Ну хорошо, допустим. Инга Леонидовна, зрителей наверняка будут интересовать каверзные вопросы, и вы должны быть готовы, что они не постесняются их задать. Например, такой: где вы взяли начальный капитал?

– Прежде чем мы открыли «Классику», пришлось зарабатывать деньги на менее благодарном труде. Поначалу мы занимались выпечкой хлеба, открыли свою пекарню, потом постепенно перешли на иной уровень. В общем, пословицу «Хочешь жить – умей вертеться» мы тогда прочувствовали на собственном опыте.

Мы проговорили с Меранцевой еще четверть часа, и в течение этого времени она продолжала рассказывать о «Классике» так же просто и понятно, однако стараясь раскрыть механизм работы своего детища как можно глубже. Плодом этого в высшей степени результативного разговора было приглашение Меранцевой обязательно посетить ее заведение. От внимания мудрой женщины, конечно, не укрылась скептическая ухмылка Павлика, которую тот не сумел или нарочно не захотел скрывать, и разом вытянувшиеся физиономии нас троих: Галины Сергеевны, Леры и меня. Смысл этой реакции был банальным – посещение ресторана с великим трудом вписывалось в рамки нашего жалованья.

Однако Инга Леонидовна тут же улыбнулась и заверила нас в том, что предлагает посетить свой ресторан исключительно из эгоистичных побуждений – в качестве рекламной

акции: мол, позже она намерена договориться о рекламных паузах, включаемых в эфир нашей передачи.

– Согласитесь, что если вы не будете иметь представления обо всех достоинствах нашего заведения, то не сможете выгодно его представить, – хитро оглядев нас всех по очереди, заметила Инга. – Так что вам не отвертеться – все равно я не отстану от вас до тех пор, пока вы не почтите мое заведение своим присутствием. Да, и кстати о рекламной акции: мы собираемся приурочить к юбилею ресторана презентацию блюд из страусового мяса. Птицы выращены на ферме, расположенной в нашей области, и доселе такой продукт еще нигде не использовался. Словом, новинка во всех отношениях интересная, и если она придется по вкусу посетителям, то успех будет ошеломляющим. Полагаю, что лучшим временем для проведения передачи с моим участием будет как раз день презентации; можно будет договориться о проведении эфира, скажем, после официальной части. Как вам такой вариант?

Посоветовавшись, мы единогласно пришли к выводу о том, что мысль действительно дельная.

В этот момент открылась дверь, ведущая в смежную комнату, и на пороге возникла секретарша, молодая женщина лет тридцати в строгом стильном костюме темно-бордового цвета.

– Прошу прощения, Инга Леонидовна, но к вам пожаловал господин Ролес.

Очевидно, в здании был еще один вход, пройдя через который, можно было попасть к Меранцевой только через приемную секретаря. Инга Леонидовна чуть виновато улыбнулась и развела руками, показывая, что время беседы с нами подходит к концу.

– Я думаю, что проблем во время телепередачи не возникнет, – оптимистично заключила она, обращаясь к нам. – А если и возникнут какие-то вопросы, звоните, отвечу либо я, либо секретарь.

Мы поблагодарили ее, распрощались и пошли к выходу.

– Ну вот, вы совершенно напрасно волновались, – хитро проговорила Галина Сергеевна, когда мы загрузились в машину. – Инга Леонидовна оказалась прекрасным собеседником, совершенно лишенным снобизма.

– Да, ничего дамочка, – протянул развалившийся на сиденье Павлик. Рабочий процесс окончен, а значит, к нему вернулась его обычная лень.

– Это ты сейчас так говоришь, – Лера никогда не упускала случая поддеть нашего оператора, – а перед встречей трусил.

– Кто?!

– Ты!

Под звуки очередной перепалки можно было отвлечься и подумать, что я и сделала с величайшим удовольствием. За окном автомобиля проплывали потрясающие зимние картины, которые можно наблюдать лишь в первые несколько часов после того как выпал снег, но сейчас даже они не способ-

ны были отвлечь меня. Как любой другой занятый работой человек, я время от времени погружалась в свои мысли, продумывала, просчитывала варианты. И сейчас была как раз такая минута.

Теперь, когда передача с Меранцевой меня более не страшила, я могла наглядно представить себе ее концепцию, вернее, тот вариант, в котором мне бы хотелось ее провести. Довольно поверхностно представляя себе презентацию блюд из открытого Меранцевой продукта, да еще такого экзотического, как страусовое мясо, я, однако, предполагала, что действо, несмотря на свою оригинальную сущность, все же пройдет в соответствии с традициями. Красивые, нарядно одетые девушки будут разносить блюда, предлагая гостям вкусить их и отвечая на вопросы относительно того, как называются эти яства и что они собой представляют. На лицах посетителей наверняка появится выражение восторженного любопытства, и камеры умелых операторов «запомнят» их для телевизионной передачи. Те же самые посетители, но уже в качестве зрителей потом будут присутствовать и на моей передаче, ведь, как сказала Меранцева, мы проведем ее практически сразу после презентации, вернее, после ее официальной части...

– Эх, и жрать охота! – протянул Павлик, прервав мои размышления. Мы трое – я, Галина Сергеевна и Лера – разом шикнули в ответ на его грубость, сделав это скорее для проформы, так как уже давно привыкли к отнюдь не безупреч-

ным манерам своего оператора. Костя Шилов ухмыльнулся и попытался встретиться с моим взглядом в зеркале заднего обзора.

– Вот подожди, приедем на работу, я тебя соевым мясом угощу, – пообещала Лера, которая слыла ярым борцом за пресловутый здоровый образ жизни. Она принципиально не ела животной пищи, зато полезные продукты всегда составляли основу ее рациона, что служило приманкой для мелкой воровской деятельности Павлика. Время от времени этот вечно голодный обжора потихоньку таскал у девушки то сухофрукты, то выпивал витаминный чай.

– А что это такое, соевое мясо? – поинтересовался Павлик, очнувшись от своей полудремы, но Лера лишь загадочно промолчала.

Весна потихоньку снова вступала в свои законные права. Высоко взошло солнце, старательно исправляя утреннее недоразумение, и от того многочисленные быстрые ручьи теперь весело бежали по слегка наклонным дорогам, стекая в углубления и образуя длинные лужи. Если так дело пойдет, то уже завтра или послезавтра снова будет сухо. Все-таки тепло не за горами, и никуда оно от нас не денется! Надо бы приобрести себе на досуге что-нибудь нарядное, соответствующее весеннему настроению.

Глава 2

– Какая гадость! – брезгливо провозгласил Павлик, отдавая Лериного обеда. – Как это вообще можно есть?

Определенно, соевое мясо нашему оператору не понравилось. Именно насчет него он и высказался столь нелицеприятно. Лера тотчас начала читать ему нотации по поводу того образа жизни, который он ведет.

– Пройдет лет пять, и ты начнешь маяться от всяческих болезней! А соевое мясо, между прочим, достойный заменитель обычного, в нем содержится множество полезных веществ, таких, например, как фосфор, цинк...

– Вот уж никогда не думал, что кусочки вареной резины можно считать полезными, – проворчал Павлик и с надеждой окинул взором нас с Галиной Сергеевной. – А у вас, случайно, не найдется человеческой еды?

– Вообще-то найдется, – были вынуждены признаться мы, доставая свои запасы. К побирушке-оператору все давно уже привыкли, и постепенно он перестал раздражать общественность: попрошайничество стало таким же неотъемлемым качеством Павлика, как его лень. Галина Сергеевна щедро выложила на общий стол куски пирога, испеченного собственноручно, достала банку с консервированной фасолью и белый батон. Я могла предложить только варенье и бутерброды, но и на это непривередливый Павлик посмотрел с немым

обожанием, очевидно, желая отблагодарить своих кормилиц – Галину Сергеевну и меня.

– Ну, слава богу, нашлись люди, которые спасли меня от голодной смерти, – оживленно проговорил Павлик, радостно потирая руки. – А то от некоторых хорошего не дождешься, они могут предложить только лекции на тему, сколько того или иного металла содержится в вареной резине.

Лера, к которой относился этот отнюдь не двусмысленный намек, лишь нервно хихикнула в ответ. Опасаясь, как бы она снова не разразилась лекцией о вреде «нездорового» питания – нездоровым она называла большинство традиционных вкусов, – я разлила всем чай и жестом пригласила к столу.

Обеденный перерыв прошел в дружеской, почти семейной атмосфере. Я все чаще ловила себя на мысли, что здорово привыкла к этим людям и этой работе, со всеми ее минусами и положительными моментами. А вообще-то я мечтала о том, что когда-нибудь перейду на другой уровень, став основательницей собственной передачи: «Независимое расследование Ирины Лебедевой». Эта мечта, уже давно прочно поселившаяся в моем сознании, как всегда, сладко резанула тщеславие. Да, здесь мне хорошо, но ведь когда-нибудь нужно будет менять привычный, устоявшийся ритм и осваивать новые горизонты? Я считала, что нужно, а вот мой начальник не разделял этого мнения.

Но обед уже подходил к концу и пора было снова браться

за работу. Философствование на рабочем месте в нашей организации не поощрялось ни морально, ни материально.

* * *

– Скажи честно, как я выгляжу?

Этот вопрос я задавала своему благоверному уже четвертый раз за последние пару часов. Я волновалась, причем так, что скрывать это было бы просто глупо. Тем более перед Вовкой, который, слава богу, знал меня не первый год и был достаточно внимателен ко мне, чтобы определить любое отклонение моего настроения от нормы. Нормой считалось настроение благодушное, максимально близкое к хорошему, но без сопутствующих эмоциональных эффектов. В общем, ровное, спокойное и безмятежное. Сейчас ничего подобного не было и в помине.

И вряд ли в тот момент я могла бы более или менее конкретно объяснить, в чем же причина подобного мироощущения, от которого хочется беспрестанно ходить из угла в угол, желательно в быстром темпе. Сегодня должна состояться моя передача с участием Меранцевой. Но это потом, а пока я, как и мои коллеги, исполню роль почетного гостя на презентации новых блюд ресторана «Классика», которую решено было провести в самом дорогом и элитном ночном клубе «Сильвер», и уже одно это говорило о невероятном масштабе проводимого мероприятия. Предпочтение клубу

было отдано с той целью, чтобы вместить большее количество гостей и зрителей, так как в рамках упомянутого заведения такое было вполне возможным.

Однако не сознание огромной ответственности, возложенной на мои плечи, волновало меня в настоящий момент. Довольно продолжительная по времени карьера телеведущей накладывала вполне определенный отпечаток, в результате которого любые проявления социофобии исчезают бесследно. Я и раньше не испытывала ощутимых проблем, выступая публично или попадая в светское общество, а уж после нескольких лет работы на телестудии уже не страшилась этого в принципе.

– Дорогая, ты ведь сама не своя... Может, поделишься со мной своими переживаниями? – мягко попросил муж Володя.

Милый мой, родной, любимый и дорогой, если бы я могла это сделать! Но, к сожалению, даже самой себе я не могла объективно ответить на вопрос, что же меня мучает. Это было то самое неясное и непонятное предчувствие, от которого возникает неприятная расслабляющая нервозность, безотчетная боязнь чего-то, что может разрушить почти идиллическую картину существования.

– Не знаю, Володя, и сама не понимаю. Словно предчувствие какое-то глохнет, будто что-то должно произойти. Ты не обращай внимания, может, я просто трушу, что придется выступать в студии с такими шикарными зрителями... Кста-

ти, как же я все-таки выгляжу, ты ведь не ответил? – Я, конечно, прекрасно сознавала, что причина волнения вовсе не в моем виде.

– Замечательно! – честно вынес вердикт мой самый прекрасный муж, и в глазах его засветилось восхищение. Вот так, просто и односложно, а зато сколько искренности в этом своеобразном комплименте, на который я сама же и напросилась. Обожаю Вовку!

Во дворе уже ждала студийная машина, которая должна была отвезти меня к месту действия. Слава богу, за рулем сегодня сидел не Шилов. Я была несказанно рада, что не придется видеть его тихое и молчаливое обожание, перед которым я всегда невольно испытываю безотчетную вину. Но нужно было ехать, несмотря на обуревавшие меня чувства, черт бы их побрал!

* * *

Подъезжая к «Сильверу», мы были вынуждены пристроиться в хвост длинной вереницы колоритных машин, направление которых явно совпадало с нашим. Определенно, в этих монстрах зарубежного и только зарубежного авторын-ка сидели все те, кто имеет непосредственное отношение к предстоящему действу: сотрудники «Классики», участвующие в создании раритетных блюд, которые сегодня будут продегустированы, многочисленные гости презентации и не

менее многочисленные зрители. Наша «Волга» заметно выделялась на фоне этого разноцветного пиршества дорогуших иномарок. Ну и ладно, должен же хоть кто-то представлять отечественную автопромышленность!

Пока машины медленно проезжали через узкий переезд, на котором каждую фиксировали в специальном табеле, у меня было время, чтобы собраться и успокоиться. Как там говорила Меранцева... знание психологии – великая сила? Эх, если бы я могла понять сейчас причину своей тревоги, то первый шаг к решению проблемы был бы сделан.

Так, ну ладно, теперь надо переключиться и подумать о чем-то отвлеченном. Например, о собственном внешнем виде. А что, вполне занятная тема для легких необременительных дум. Перед уходом я критично осмотрела себя в зеркале и осталась весьма довольной. Макияж в порядке, костюм вполне соответствует событию, к тому же подходит к сегодняшней, по-настоящему весенней погоде. Небесно-голубая блузка из тонкого трикотажа и юбка соответствующего тона прекрасно гармонировали с пиджаком темно-сливового цвета. Туфли и сумка были подобраны в тон пиджаку, над прической трудились ведущие мастера элитного парикмахерского салона, с которым у нашей студии давно была договоренность на услуги за бесплатную рекламу.

Мандраж постепенно проходил. Я собралась и послала все свои предчувствия к чертовой бабушке, после чего ощутила прилив бодрости и хорошего настроения. Я просто мно-

гое себе внушила, обжегшись единожды, – вот она, объективная причина моих волнений. В принципе неудивительно было занервничать в предвкушении необычного, особенно в свете событий, имевших место в моей жизни. Дело в том, что иногда мне кажется, будто нашу съемочную группу преследует рок. Было время, когда это вызывало у меня сильную депрессию и я всерьез верила в то, что кто-то из нашей команды приносит несчастье. Готовя некоторые передачи, причем, как правило, они были неординарными, мы сталкивались... с преступлениями. Да-да, именно с преступлениями, и это были отнюдь не мелкие незначительные кражи. Несколько убийств, похищение, другие серьезные правонарушения – вот с чем нам пришлось иметь дело. Но самым неприятным было то, что каждое из этих негативных событий складывалось таким образом, что мы невольно оказывались связанными с тем или иным преступлением.

Однако пора уже расстаться с этими сумрачными воспоминаниями. Но в этот раз обязательно все будет в порядке.

Наконец и нашу машину зарегистрировали, мы разместили ее на автостоянке, а сами прошли к центральному входу. На лестнице была расстелена красная ковровая дорожка – старинный символ гостеприимства. Все-таки здорово иметь такую работу, которая позволяет присутствовать на таких празднествах, куда ты никогда бы не попал в своей обычной жизни, поскольку на это банально не хватило бы никаких твоих зарплат.

Клуб «Сильвер» был выбран для проведения показа не случайно: помимо всего прочего на фоне остальных заведений подобного плана он отличался очень выгодно. В нем не было того пошловатого великолепия, которое производит подчас прямо-таки убийственное впечатление и чуть ли не кричит о своей дороговизне. Простота и изысканность клуба располагали к приятному времяпрепровождению, при этом владельцы «Сильвера» не старались привлечь внимание посетителей к своему детищу с помощью показной роскоши. Мудрые люди, очевидно, рассудили, что клуб и без того будет пользоваться неизменным успехом среди богатых и знаменитых граждан нашего города, и они не ошиблись. Сейчас «Сильвер» считался самым посещаемым заведением Тарасова, несмотря на то, что при этом занимал первое место в рейтинге самых дорогих ночных клубов.

Простым смертным вход сюда был негласно воспрещен. Оставалось только мысленно порадоваться тому, что сейчас это правило обернулось лично для меня исключением.

В зале народу собралось еще немного, да и посадочных мест здесь не было предусмотрено на большое количество. «Элита», – подумала я, потихоньку окидывая взглядом собравшуюся публику. И была вынуждена констатировать, что за последнее время обеспеченные представители населения нашего города обрели значительную интеллигентность и светский лоск, напрочь избавившись при этом от прежних пережитков власти и денег – грубости, надменности, отсут-

ствия элементарных норм вежливости. Сейчас эти господа – а это слово очень хорошо подходило собравшейся публике – с легкостью демонстрировали изящество манер и аристократическое достоинство, словно только что сдали архисложные экзамены по этикету и получили соответствующие дипломы.

– Ирина?

Шествуя между рядами пока еще пустых столов, я удивленно посмотрела вправо, недоумевая, кто бы это мог меня окликнуть. Неподалеку стояла совсем юная девушка, красивая, словно фея на картинке, рисованной по сказочному сюжету, и лучезарно улыбалась мне, словно старой знакомой. Хотя, как осенило меня уже через несколько секунд, она действительно была моей знакомой, вернее, дочерью той женщины, с которой мы однажды сошлись на почве общих интересов. Помнится, тогда я увлекалась водной гимнастикой и на одном из посещений бассейна обрела единомышленницу по имени Светлана, с которой было приятно общаться. Какое-то время мы поддерживали отношения, правда, в дружеские они так и не переросли, поэтому уже с полгода мы ничего друг о друге не слышали.

Красавицу Анюту я видела всего лишь раз, когда Светлана пригласила меня к себе в гости. Тогда девушке едва исполнилось семнадцать веселых лет, и она была гордостью матери. В период наших встреч Светлана с непередаваемым упоением говорила о ее красоте, многочисленных талантах и прекрасном характере, но я, признаться, до тех пор, пока сама не

увидела Анну, считала материнское восхищение несколько преувеличенным. Однако при личном знакомстве девушка очаровала меня, поскольку восхваляемые достоинства действительно присутствовали в ней с избытком.

– Анята, здравствуй! – я улыбнулась ей и подошла ближе. – Вот так приятная неожиданность! Какими судьбами здесь?

– А я сейчас работаю в «Классике»! – радостно сообщила мне сияющая Анята. Ее глаза лучились довольством жизнью в целом и отдельными ее элементами в частности, и в порыве этого позитивного коктейля девочка явно слегка преувеличила. Надо отдать ей должное: она тут же поправилась. – Вернее, не работаю, а заканчиваю проходить стажировку. Меня взяли с испытательным сроком три месяца, а потом, скорее всего, зачислят в штат. Представляете?

Я тут же вспомнила в высшей степени великолепный торт – без ложной скромности произведение искусства, – которым угощали меня Анна со Светланой, когда я была у них в гостях. Кажется, Анята заканчивает кулинарное училище, припоминала я. Между тем ее восторженные восклицания не смолкали.

– Сегодня я здесь вместе с другими девушками буду разносить блюда. Волнуюсь, но все равно чувствую себя такой счастливой!

Оставалось только порадоваться ее удаче, что я и сделала, выразив при этом уверенность, что она непременно проявит

себя во время стажировки. Поговорив немного с девочкой относительно самочувствия ее мамы, я отправилась на свое место.

Немало времени потребовалось гостям, чтобы разместиться. Наконец на сцене появилась Меранцева, которая должна была произнести вступительное слово, то есть рассказать о том, как родилась и воплощалась в жизнь идея страусового мяса. Минуты через три после ее выступления наш Павлик, весьма скептически настроенный по отношению к экзотике вообще и в частности, еле слышно пробурчал:

– Ничего из этого я есть не буду! Они бы еще лягушачьи лапки нам предложили. Уж лучше я слопаю Леркину вареную резину!

* * *

– Быстрее, быстрее, Ирина! Тебя уже почти объявили! Ну где тебя носит?

Галина Сергеевна махала мне рукой, призывая поскорее подойти к кулисам, чтобы через секунду выйти на сцену. Признаться, я действительно замешкалась, нужно было тихонько выйти из зала сразу по окончании дегустации, но меня отвлек один из не самых тактичных репортеров, попросив описать свое отношение к представленным блюдам. Он как-то совершенно незаметно подкрался ко мне, так, что от рас-

терянности я обернулась и взглянула в камеру, машинально дожевывая кусочек слоеного гребешка с начинкой из страусового мяса. Ох, неужели мое смущение будет выставлено напоказ?

Досадуя в душе на это происшествие, я случайно встрети-лась взглядом с мужчиной среднего возраста с очень приятной и интеллигентной наружностью. Он понимающе кивнул в сторону активно снующего по залу репортера и дружелюбно заметил:

– Была бы моя воля, я бы запретил присутствие этих кустарей в приличном обществе. Но что поделаешь, супруга настояла на том, чтобы пригласить журналистов, мотивируя это тем, что событие должно быть обнародовано. – Мужчина виновато развел руками, будто извиняясь за прихоть своей второй половины, и тут, словно что-то вспомнил: – Да, я же не представился! Позвольте исправить эту досадную оплошность. Меня зовут Максим Олегович Ледов, я главный редактор журнала «Классика», по совместительству супруг директора одноименного заведения.

– Инги Леонидовны? – с легким удивлением спросила я.

– Ну да, именно ее. Как видите, я счастливый человек, раз такая женщина удостоила меня своей любовью. – Максим Олегович обаятельно улыбнулся и кивнул в сторону сцены, где предположительно должна была находиться его жена.

– Да... – запнулась я, пытаюсь подобрать подходящие слова, дабы должным образом отреагировать на столь редкое в

наше время отношение двух уже, в общем-то, немолодых супругов. — Ох, Максим Олегович, я прошу прощения за то, что вынуждена вас оставить, но мне срочно нужно на сцену. Извините!

Последнее слово я произнесла уже на бегу. Сама виновата, в результате своего же ротозейства приходится удаляться в спешке. Ну да ничего, все в порядке, я как раз успеваю.

Меранцева уже сидела за столиком, который специально установили для съемки нашей передачи. Яркие прожектора над сценой сейчас чуть пригасили, создав привычную обстановку для съемок «Женского счастья». Представительницы прекрасного пола в зрительном зале только что имели возможность наглядно убедиться в том, что же такое счастье в одном из его проявлений. Я знала, что на устах многих сейчас вертится один вопрос, и он будет первым из тех, что будут заданы.

— Скажите, ваше счастье заключается в работе? И если да, то объясните, пожалуйста, почему: ведь напряженный труд не слишком соответствует традиционному представлению о женском счастье.

Я не ошиблась. Вопросы сегодня посыплются жесткие и каверзные, положение зрителей позволяет им спрашивать все, что они пожелают. Например, только что подала голос молоденькая девчушка, которой от силы восемнадцать, но она уже явно успела понять, что ей многое позволено.

Однако Меранцева держалась на высоте. На вопрос о сча-

стве она ответила, что главным для женщины всегда остается семья, чем сразила наповал добрую часть сегодняшней публики. Я поискала глазами ее супруга и заметила, как он пробирается по второму ряду к единственно свободному в зале месту. Прозвучавшие только что слова вызвали в нем ответную реакцию: не сходявшая с его губ улыбка стала заметно шире, а губы, казалось, послали Инге поцелуй.

Что касается работы, отвечала Меранцева, то она должна быть солидным дополнением к основе счастья, и лично она сумела найти такое дело, которое отвечало бы этим требованиям. После ответа на вопрос Меранцевой зааплодировали.

Передача прошла в теплой обстановке, несмотря на некоторые пикантные моменты, которые все-таки возникали время от времени. Но без них было бы неинтересно. В целом, можно было считать, что проект удался, и этот факт значил для меня очень много.

Уже когда передача подходила к концу, а я подводила некоторый итог, выразив основной смысл сказанного Меранцевой, по залу пронеслось вдруг какое-то тревожное волнение. Я не поняла его причины в тот момент, но чувство, одолевавшее меня сегодня с самого утра, вдруг возникло снова и сжало меня в своих тисках. Это было почти физическое ощущение, и такой силы, что я чуть не потеряла равновесие, когда поднималась из-за стола. Идя по сцене на совершенно деревянных ногах, я была почти уверена в том, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Что случилось? – спросила я, глядя в окаменевшее лицо Павлика и уже ни на секунду не сомневаясь в том, что что-то действительно произошло.

– Случилось... – эхом повторил оператор, отводя невидящий взор в сторону.

– Убили девушку, одну из тех, которые помогали представлять новые блюда, – раздался напряженный голос Галины Сергеевны. Она стояла совсем рядом, держась правой рукою за сердце.

– Нет! – кажется, я вскрикнула. – Нет, неужели...

Сразу же вспомнились все страхи, преследующие меня в течение нынешнего дня. Господи, это снова произошло с нами... Как после этого не поверить в законы эзотерики? Может быть, то, что происходит с нашей группой, есть результат отражения моих мыслей, их воплощение в действительности? Ведь я давно мечтаю о передаче «Независимое расследование...», а жизнь который раз преподносит мне подходящие сюжеты.

Милиция еще не подъехала, да ее, скорее всего, еще никто и не вызывал. За кулисами сейчас было довольно много народу, съемки передачи закончились, и люди сновали по закулисному пространству, улаживая свои дела. Некоторые еще даже не знали о случившейся трагедии – те, которые по-

дошли только сейчас. Другие находились за кулисами в течение всей презентации, и они были в курсе случившегося. Согласно рассказу очевидцев, а в качестве одного из них оказался наш оператор, девушку нашли где-то около получаса назад, примерно тогда, когда были вынесено последнее блюдо из коллекции Меранцевой.

Я осторожно прошла сквозь толпу возбужденных и растерянных людей, и тут же крик ужаса, готовый вырваться из моих уст, перехватил дыхание. Посередине одной из подсобных комнат клуба лежала девушка, и в следующую секунду уже не оставалось сомнений в том, что это была... Аня.

Глава 3

Цветущая красавица, сраженная злодейкой-судьбой, была определенно мертва, и неотвратимое понимание такой простой и несправедливой истины запечатлелось в моем мозгу, начиная делать свое страшное разрушительное дело. Истерика, заблудившись где-то в глубинах моего сознания, уже рвалась наружу, сметая и круша попытку взять себя в руки. «Убийство, убийство, убийство» – это слово, мысленно повторенное множество раз, прочно завладело моим разумом.

Несмолкающие голоса, которые на минуту словно отступили куда-то, сейчас вновь оглушили меня громким гулом. Я с немалым трудом попыталась осмыслить ситуацию, находясь в теперешнем своем состоянии. Насколько я могла судить по услышанным отрывочным фразам, никто не знал, в результате чего наступила смерть, однако версий возникло всего две: либо девушку отравили, либо она умерла от сердечного приступа. Второе было скорее теоретическим предположением, нежели объективным подозрением: Аня едва достигла восемнадцати, в этом возрасте вряд ли умирают от больного сердца. О достоверности первого варианта свидетельствовал и тот факт, что рядом с телом был найден осколок хрустального бокала, в котором, очевидно, было вино. Бокал разбила не сама девушка, а, скорее всего, тот, кто отравил ее. Вино забрызгало ослепительно белоснежный

легкий костюм, в котором была Анна, а значит, бокал был брошен на пол уже после того, как она упала.

Совсем рядом со мной раздался судорожный всхлип, и вслед за ним донеслось приглушенное: «О боже!..» Я машинально обернулась, хотя любопытства во мне сейчас было меньше, чем когда бы то ни было, и увидела чету Меранцевых-Ледовых. Инга Леонидовна с полными от страха и изумления глазами смотрела прямо перед собой, а ее супруг вытирал платком выступившие на лбу капельки пота.

Милиция и «Скорая помощь» приехали где-то через полтора часа. Владельцы клуба не торопились вызывать их, ожидая, когда разойдутся последние посетители. Их можно было понять: кому хочется, чтобы такой чрезвычайный случай стал достоянием гласности. Однако, как ни крути, каждый каким-то образом оказывался связанным с происшедшим.

Все вокруг меня разом зашлось в суете, став неразборчивым общим фоном. Обрывки собственных мыслей, чужие возгласы и фразы, другие звуки слились в единую какофонию, которая сейчас здорово давила мне на слух. Будучи не в силах более выдерживать подобное, я отошла в дальний угол, где увидела небольшое окошко, уперлась руками в подоконник и прижалась носом к холодному оконному стеклу.

Совершенно некстати, как это всегда и бывает в сложные минуты жизни, мне вспомнилась хохотушка Света. Помнится, такой неунывающий тип людей мне всегда импонировал: вроде и жизнь не дарит им никаких особо радужных момен-

тов, а они тем не менее умеют извлекать положительное из имеющегося. Вот и Светлана была такой. Личная жизнь, как она говорила мне в порыве откровения, не сложилась с юности – гуляющий муж, без зазрения совести променявший семью на призрачную перспективу свободы, – упорно не складывалась она и впоследствии. Дочка выросла, и только она, пожалуй, была отрадой для матери. Всю свою жизнь. Как оказалось, весьма и весьма короткую жизнь.

Судя по доносившимся звукам, можно было сказать, что за спиной у меня кипела жизнь, однако сейчас подобные слова больше подошли бы жанру черного юмора. Я заставила себя оторваться от подоконника – почему-то сейчас он казался мне спасительным плотом – и медленно пошла туда, где царила все более заметная Суета. Именно так, суета с большой буквы.

Она подхватила и меня, передав в руки своих исполнителей – людей, которые в силу своего темперамента и характера создавали ее. Кто-то уже посвящал меня в курс дела. Оказывается, врач, приехавший по вызову, косвенно подтвердил, что Аня, скорее всего, умерла от отравления. Некто неизвестный, кто явно был ее хорошим знакомым, очевидно, предложил отметить грандиозное событие и испить по поводу его свершения вина. Бутылка «Саперави» стояла здесь же, в ней не хватало примерно трети до полного объема, из чего можно было сделать вывод, что убийца не тянул с выполнением своей задачи. Яд был обнаружен в одном втором

бокале, из которого отпила Анна, и, судя по всему, был более чем сильным, потому что девушка умерла, даже не успев допить вино до конца.

Молодой сотрудник милиции, похожий на актера Алексея Нилова, но без его характерной мужественности, предпринимал робкие попытки опроса свидетелей. В первую очередь, конечно, тех, кто обнаружил тело. В число этих людей входила и наша Лера. Как оказалось, она была совсем рядом, когда в комнату вбежали две девушки, тоже помощницы по презентации. Они дико закричали, и Лера отважно бросилась в помещение, где и увидела Анюту. Ясное дело, все это невероятно потрясло ее, и, оправившись от первоначального шока, Валерия застыла в мрачном безмолвном ступоре. И как ни силился молодой лейтенант взять у нее показания, на все вопросы она отвечала в лучшем случае нервным кивком головы, положительным или отрицательным, в зависимости от обстоятельств. Снятие показаний с этой свидетельницы пришлось временно отложить, и мы, подхватив Леру под руки, повели к ее машине, предварительно пообещав лейтенанту завтра же приехать в отделение.

Водитель домчал нас до телестудии буквально за считанные минуты, в течение которых никто не проронил ни слова. И только когда мы поднялись в наш кабинет, избегая смотреть друг на друга, словно боясь увидеть в глазах коллег отражение собственных мыслей, всеобщее молчание вдруг огласилось Лериными рыданиями. Мы с Галиной Сергеев-

ной бросились ее успокаивать, а Павлик застыл у окна, глядя на свою подружку и отчаянно кусая губы.

– Почему? Почему *это* опять произошло? Просто невозможно, какой-то злой рок! Эта девушка... такая юная. Она так молода, но ее уже нет... А ее родители, что с ними будет? О нет!..

Честно говоря, ничего не хотелось мне сейчас – только заплакать, как Лера, повторяя те же слова и выражения, которые только что сорвались с ее губ. И хотя я заставляла себя произносить какие-то утешительные слова, однако делала это автоматически, словно выполняя какую-то программу. Да так, собственно, и было.

И только когда Лера смогла наконец взять себя в руки, мы с Галиной Сергеевной тихонько вышли из кабинета, оставив девушку наедине с Павликом, а сами направились в такое непривычное для нас обеих место, как незаконная курилка. Именно здесь можно было поговорить, не стесняясь кого бы то ни было, поскольку официальный рабочий день закончился полчаса назад, и по этой причине курилка была пуста.

А обсудить нам было что. Смерть девушки на презентации ресторана сама по себе была ужасным фактом, но то ли холодный разум брал верх над нашими эмоциями, то ли мы с моей начальницей начали вообще философски относиться к смерти, однако было ясно одно: и она, и я сейчас думали об одном и том же. О судьбе передачи, как это ни было чудовищно.

– Да, – произнесла Галина Сергеевна, глядя в какую-то недоступную мне точку. – Ничего не скажешь, наши пути скрестились с сенсацией. Скажи, Ирина, ты когда-нибудь мечтала о бескрайне широкой известности?

– Уж явно не о такой, которая нас ожидает в ближайшем будущем, – мрачно отозвалась я, внутренне содрогаясь от наглядного представления перспективы. – Честно говоря, я бы предпочла неизвестность взамен ситуации, когда мое имя будет упоминаться то и дело в связи с произошедшим убийством.

– Как будем выпутываться из всего этого? – словно раздумывая вслух, спросила Галина Сергеевна. При этом, она, кажется, и не ждала от меня ответа. Слишком близко было случившееся, чтобы так, навскидку, найти достойное решение проблемы. Да и можно ли ее решить, если произошло самое страшное из того, что вообще может произойти?

– Нам с тобой нужно о многом подумать, – устало констатировала моя начальница, и тут только я заметила, как разрушительно подействовало на нее случившееся. Обычно моложавая, слегка даже легкомысленная, сейчас она и отдаленно не напоминала вечно веселую и во всех смыслах легкую Галину Сергеевну. Лоб прорезали предательские складки, глаза выглядели слишком мудрыми и утомленными, а в голосе не было и намека на прежнюю взбалмошность, присущую разве что юным девушкам. Наверное, и я сейчас выглядела не лучшим образом.

– Подумать, да, – повторила Галина Сергеевна, словно отвечая самой себе. – Но не сейчас. Сейчас нам всем пора разбегаться по своим норкам, а тебе особенно. Ты же знаешь, что твой Володя всегда волнуется, когда тебя долго нет, а если он каким-то образом узнает, что случилось...

– Вряд ли сегодня об этом будут сообщать в новостях, – тихо проговорила я. – Но вы правы, пора разойтись и попытаться хоть как-то зализать полученную рану. Завтра с утра нам всем нужно быть в отделении и давать какие-то показания. Хотя, что полезного мы можем рассказать? Например, я уж точно не помогу следствию, так как сама ровным счетом не знаю ничего.

Не сговариваясь, мы поднялись с подоконника, на который присели, словно школьницы на перемене, и пошли в кабинет. Нам предстояло еще сделать большое дело: уговорить Леру и Павлика пойти домой и уснуть крепким сном, выпив чего-нибудь успокоительного.

* * *

– Даже не думай влезать в это дело! – Как ни удивителен был этот факт, но мой муж почти кричал. Пятнадцать минут назад я в состоянии выжатого лимона или чудом спасшегося с потонувшего корабля счастливчика оказалась на пороге своего дома, и этого времени как раз хватило, для того чтобы подробно рассказать Вовке, что случилось. Но сначала я бес-

сильно упала в его объятия и от души заревела, что в принципе было хорошим знаком. Негативные эмоции выпущены, истерики в обозримом будущем не ожидается, значит, теперь я смогу наконец хорошенько подумать. Вот только моего мужа эта перспектива совершенно не воодушевляла.

– Я запрещаю тебе – ты слышишь? Запрещаю! – В обычном состоянии Вовка представлял собой последнюю модель человека исключительной доброты, являющегося редким в нынешнем обществе обладателем мягкого характера. Мой собственный нрав был куда более крутым, но в семейной жизни я предпочитала лишний раз это не демонстрировать.

– Не смей, Ирина, я тебе говорю, не смей! – Вот это уже точно было из области фантастики. Надо бы прекратить, а то могут произойти катастрофические последствия от такого немыслимого нарушения обычного положения вещей. Наподобие того, как на Землю действуют сейсмические колебания.

– Володя, перестать кричать, тебе это совершенно не идет, да и толку мало. – Мой неожиданно спокойный тон подействовал, да Вовка и сам успел сообразить, что перегибает палку. Он провел рукой по волосам, отчего они смешно вздыбились, поворачивал глазами, после чего уже вполне мирно предложил:

– Поговорим?

Мы проговорили почти полтора часа, и за это время каждый пытался убедить другого в своей точке зрения. Успех

был поделен пополам с точностью до грамма, ни у Вовки, ни у меня не получилось перетянуть оппонента на свою сторону. Позиция мужа была такова: мне и какому бы то ни было члену нашей съемочной группы не следовало ни под каким видом приближаться к произошедшему на расстояние пушечного выстрела. Не стоит думать, что во Владимире предательски заговорила трусость, просто он обладал хорошим чувством воображения и неплохой памятью, поэтому мысленно воссоздал перспективы моего вторжения в случившееся, и это ему очень не понравилось. Уже случались похожие ситуации, когда я помимо воли была вовлечена в какие-то события и со свойственным мне азартом пыталась понять произошедшее. Вовке это ужасно не нравилось и тогда, но в конечном итоге каждый раз мне удавалось найти разгадку, и он облегченно вздыхал. Но сейчас, очевидно, решил навсегда запретить мне любые поползновения заниматься этим, вплоть до семейного скандала, которые мой милый муж патологически ненавидел.

– Можешь мне объяснить, с чего ты взяла, что случившееся будет напрямую связано с вашей передачей? Ведь убили-то, слава богу, не кого-то из вашей команды, а кондитершу ресторана «Классика», который к тебе никакого отношения не имеет! Так при чем же здесь все вы, и, в частности, ты?

– Как ты не понимаешь, что в период подготовки ток-шоу наша группа была напрямую связана с именем Меранцевой и

с тем самым показом, на котором произошло убийство? Ну, хорошо, этот факт еще как-то можно упустить, но ведь девушка была убита как раз в момент нашей передачи, ты это понимаешь? И ты думаешь, внимание наших конкурентов не привлечет этот поистине жареный факт? А вдруг завтра в какой-нибудь желтой газетенке появится сообщение о том, что с этой девушкой был связан, например, наш оператор? Кстати, в момент убийства он еще мог теоретически находиться за кулисами, если предположить, что Аня была убита чуть раньше, чем начались съемки передачи. Или я сама. Как раз в момент, когда я бежала через коридор по направлению к сцене, подгоняемая Галиной Сергеевной, убийца мог поить Аню отравленным вином. А где гарантия того, что это была не я? Ведь никто не скажет точно до минуты, когда я вышла из зала и сколько времени прошло между этим моментом, и тем, когда я появилась на сцене. Минута раньше, минута позже, а этого вполне хватило бы, чтобы выпить вина в подсобке и обеспечить себе своеобразное алиби.

– Я тебя умоляю, – устало произнес Вовка, тяжело вздохнув, – ну при чем тут ты? Кто может обвинить тебя в убийстве, если ты даже не была с ней знакома до сегодняшнего дня? Ты даже и сегодня не знакомилась с нею вовсе, просто видела во время презентации.

– Я тебе не сказала, но...

Я замолчала. И моя пауза произвела эффект оглушительного выстрела. Муж переменялся в лице, страшно побледнел

и, обхватив голову руками, приготовился к самому худшему.

– Эта девушка была моей знакомой, – грустно продолжала я тем временем. – Вернее, одно время я поддерживала отношения с ее матерью. Ты должен ее помнить, она однажды приходила к нам. Ее зовут Светланой.

Володя не сказал ничего, только бросил:

– Дальше!

– Я представить себе не могу, что с ней будет! Ведь у нее, кроме Ани, не было ни одного родного человека. Конечно, Светлане уже никто не поможет, ни я, ни вся наша компания вкупе со всей тарасовской милицией. Но ведь это убийство, Володя! И этот факт нельзя игнорировать.

– А почему не игнорировать его должна именно ты? – устало и обреченно спросил мой супруг. – Что ты там говорила по поводу связи убийства с вашим проектом? Лично я совсем ничего из этих объяснений не понял.

– Я говорила, что теоретически можно придумать все, что угодно, – не менее устало проговорила я и с тоской поглядела перед собой. – Можно, конечно, придумать красивую историю, как я, например, отравила свою соперницу. Да что я тебе рассказываю? Для человека с творческим воображением нет преград, и если кто-то решит воспользоваться этим случаем, чтобы снять нас с эфира, у него появились хорошие шансы на успех. Как видишь, мы так или иначе попались.

– То есть ты уверена, что должна непременно провести собственное расследование? А не боишься, что это мо-

жет обернуться чем-нибудь непоправимым? Чего никогда не произойдет, если ты не будешь по-дилетантски вмешиваться в официальное расследование.

– Я не знаю, Володя, – грустно ответила я, и по моим щекам быстро потекли крупные слезы. Вовка тут же кинулся ко мне и, усадив к себе на колени, принялся гладить по волосам, проговаривая всякие утешительные слова. Я же только с горечью повторила сквозь слезы то, что уже только что сказала:

– Я не знаю...

* * *

Перед телестудией, куда я отправлялась только для того, чтобы не идти к следователю в одиночестве, – вчера мы так и не договорились встретиться на нейтральной территории, чтобы сразу же отправиться давать показания, – ошивался какой-то странный тип гражданской наружности. Профессиональная интуиция сразу же сработала, и я безошибочно определила в нем репортера. Казалось, что странного в том факте, что репортер стоит перед телестудией? Но дело в том, что этот молодой человек явно не трудился со мной в одной организации. Судя по его виду, это был прожженный во всех отношениях тип – сотрудник одной из многочисленных желтых газет, на которые у меня уже давно была аллергия. Да и не только у меня, у большинства людей, не обладающих

склонностью к моральным извращениям.

Предчувствуя недоброе, я осторожно подошла ко входу в здание и тут же мысленно чертыхнулась. Увидев меня, тип бросил въедливый взгляд на мое лицо, причем его собственное от этого заметно оживилось, а через секунду юрко, в два прыжка, оказался прямо передо мной, нахально тыча мне в глаза каким-то удостоверением. Я даже не потрудилась посмотреть, что в нем написано, так как не имела не малейшего желания общаться с этим человеком.

– Ирина Лебедева? – скороговоркой начал репортер – а это действительно был он, я не ошиблась. – Позвольте вас на несколько слов. Вчера произошло убийство во время съемок вашей передачи, и мне удалось это узнать раньше официального объявления. Не прокомментируете ли произошедшее? Кажется, труп обнаружила ваша сотрудница? Что вы можете сказать по поводу всего этого?..

Подозреваю, ему вовсе не были нужны какие-то подтверждения, он вполне со всем справлялся самостоятельно, молниеносно забрасывая вопросами, на которые уже успел ответить сам. Мое молчание вряд ли способно было спасти ситуацию, и я очень удивлюсь, если уже к вечеру в определенных изданиях не появится сенсационное интервью со мной, в котором я якобы буду освещать подробности случившегося преступления. Однако следующий вопрос репортера, заданный им в свойственной напористой манере, выбил меня из колеи окончательно.

– Это ведь уже не первое преступление, с которым вам приходится сталкиваться во время съемок? Так? Как вы считаете, почему происходят такие странные стечения обстоятельств? – Тон папарацци заметно изменился, приобретая убийственную вкрадчивость, от которой хотелось немедленно закричать. Я сдержалась. Пора было признать, что я внутренне ждала этого. Теперь не миновать нападок со стороны недоброжелателей или просто типов, подобных этому, которые просто чувствуют себя на седьмом небе от того, что им удалось насолить хоть кому-нибудь. Держу пари, он испытывает жгучее удовлетворение и готовит следующий вопрос: не орудует ли в нашей съемочной группе кровожадный маньяк, который убивает людей, попадающих в поле его зрения? А может быть, таким образом я развлекаюсь и заодно поддерживаю интерес к своей, в общем-то, отнюдь не будоражащей нервы зрителей передаче?

Так и не произнеся ни слова, я резко повернула влево и вошла на лестницу, оставив многочисленные вопросы атакующего репортера повисшими в воздухе. Если в ближайшее время мне придется столкнуться с подобными типами, я буду входить в здание телестудии каким-нибудь нетрадиционным способом. Например, через окно, хотя нет гарантии, что в скором времени около окон нашего кабинета не будет установлено дежурство искателями сенсаций.

Как ни удивительно, но сегодня все уже оказались на рабочих местах, несмотря на ранний час. Даже Галина Сергеев-

на не опоздала, вопреки своей всегдашней привычке. Оглядев коллег, я мысленно констатировала, что бессонная ночь была не только у одной меня: все выглядели утомленными, под глазами залегли тени, а лица казались очень напряженными. Определенно, не самое лучшее время для посещения милиции в качестве свидетелей, но... кто же нас спрашивает? Поздоровавшись со всеми кивком головы, я прошла ко своему месту и села, обхватив руками раскалывавшуюся от боли голову.

В отделении, по закону жанра, царила суета. Сколько помню фильмов, в которых изображались полицейские или милицйские участки, их режиссеры всегда старались передать именно ту атмосферу, в которой мы сейчас оказались. Беспорядочно сновали люди в форме, натыкаясь на углы, ругались или просто громко разговаривали – словом, делали все, чтобы место их службы как можно больше соответствовало своим заграничным аналогам, прославленным разнообразными детективами.

К счастью, нам не пришлось долго ждать того, к чему мы все мысленно готовились. Следователь, оказавшийся немолодым мужчиной с грузноватой фигурой, начал принимать нас по одному сразу же, как только получил от секретарши сообщение о нашем приходе. Его утомленный вид свидетельствовал о пренебрежении элементарными нормами здорового образа жизни вкупе с напряженным графиком работы: колючие глаза, казалось, пронизывали насквозь, а нахму-

ренные брови демонстрировали большое нежелание тратить хоть на секунду больше того времени, которое, по разумению следователя полагалось на каждого свидетеля. В результате наша беседа скорее напоминала блицопрос, что вносило определенный психологический дискомфорт.

– Где вы были в тот момент, когда закончилась официальная часть мероприятия? Вы покидали зал хоть ненадолго? – осведомился дядька, с хитрым прищуром заглядывая мне в душу. По крайней мере, именно такое впечатление сложилось у меня.

– На пару минут я отлучалась за кулисы, говорила со своими коллегами.

– На тему?

– Справлялась, все ли в порядке, все ли готово к съемкам передачи. Она должна была состояться...

– Я знаю! – остановил меня следователь. – Не следует говорить о том, чего я не спрашиваю. Итак, вы переговорили с коллегами, и что было потом?

– Собственно говоря, потом я вернулась в зал.

– Никуда больше не заходили?

– Нет, – вздохнула я. Ситуация начинала здорово меня раздражать. Если и с рядовыми свидетелями этот следователь ведет себя подобным образом, то что же тогда говорить о тех, на кого падает подозрение? Честно говоря, я им не завидую и готова многое отдать, лишь бы не оказаться на их месте.

– Находясь за кулисами, вы видели убитую?

– Нет. Я вообще видела ее только в зале перед записью.

Ну и потом, конечно, когда она уже была... убита.

Следователь как-то странно хмыкнул и снова посмотрел на меня со странным прищуром. Что-то я не понимаю...

Это ощущение не исчезло и впоследствии, когда я вышла из негостеприимного кабинета угрюмого следователя и передала эстафету Галине Сергеевне. Высказанные ею по возвращении эпитеты в адрес сотрудника правоохранительных органов полностью соответствовали моим собственным, из чего можно было заключить, что господин следователь не меняет методов опроса свидетелей в зависимости от их личности. Ему неважно, кто перед ним, молодая женщина или зрелая интеллигентная дама, совсем юная девушка или взрослый парень. Со всеми он одинаково сух, колюч и неделикатен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.